

КАК ЭТО БЫЛО ?

Джордж Катсификас (отрывки из книги) Ниспровержение политики

(окончание. начало на 5-й стр.)

Они мечтали «переманить их на сторону рабочего класса», так как считали женщин устойчиво низкооплачиваемой «прослойкой рабочего класса». Феминистки не шли на сотрудничество. Хепнелор Мэбри назвала двойной и тройной гнет женщин «патриархальной прибавочной стоимостью». Ни левые, ни профсоюзы, по мнению женщин, никогда не хотели их полного освобождения, ибо мужчины входящие в эти структуры никогда бы не пожелали разделить домашние обязанности со своими жёнами.

Пока разгорались дебаты по поводу платы за домашний труд, начался диспут о «новом материнстве» и равных правах. Радикальные феминистки понимали материнство как нечто социально детерминированное. Общество, по их мнению, слишком многого от женщины ожидает. Полнота женской жизни не обязательно должна быть связана с материнством. Более того, они рассматривали условия материнства (работу на износ, существование на пределе) как угнетение женщин!

«Отвага» категорически не соглашалась с радикалками. Желание иметь ребёнка естественно, оно приходит из самого чрева женщины. Существует психически/физическая готовность женщины стать жертвой ради создания новой жизни. Они прославляли «женскую интуицию» и утверждали биологическую предопределённость материнства. «Отвага» выступала за «новую женственность» и отрицать эту жен-

ственность значило отрицать женскую сущность. Эти утверждения огорчили радикальных феминисток и в особенности лесбиянок, которые увидели в этом одобрение гетеросексуальности.

(...) В противоположность позиции генетически вызывающей женской природы («сущность») как её называли в США) радикальные феминистки высказывались за вероятность того, что мужские и женские особенности являются продуктом социально-исторических сил, которые формируют наши личности самым своеобразным образом. Не ранее 1975 года Элис Шварцер определила эту позицию в ставшей потом классической для немецкого феминизма статье ««Маленькое» отличие и его великие последствия». В ней она нарисовала будущее, «в котором пол не был бы больше неизбежностью. Женщины и мужчины не были бы больше насильно вовлечены в ролевое поведение, а маскулинная таинственность была бы так же не нужна, как и женская условность. Сексуальное разделение труда и эксплуатация закончились бы. Только биологическое материнство было бы женским делом; социальное материнство было бы таким же мужским делом, как и женским. Люди общались бы между собой ничем не ограниченным способом согласно их индивидуальным потребностям в любое данное время, независимо от возраста, расовой и половой принадлежности (не было бы классовых системы в этом свободном обществе)». Согласно этой логике, всё, что установлено

культурой может быть переделано, в противоположность абсолютно неизменяемому характеру естественно данной внутренней природы. Даже такие, казалось бы, естественные способности, как грудное кормление, были также раскритикованы феминистками. Правительственная поддержка женщин в их глазах была не более чем либеральной версией гитлеровского ограничения женщин тремя «К»: кухня, дети и церковь. Они понимали «новую женственность» как ту часть контрреволюции, которая вышла из глубин самого феминистского движения. Радикалки предполагали существование третьего пути, «в котором мы не были бы больше слабыми и нерешительными». Этот путь позволил бы им быть одновременно и слабыми и сильными, и эмоциональными и рациональными, и ранимыми и отважными.

(...) Поворот к «новой женственности» и «материнству», по мнению радикальных феминисток, притупил острое ядовитое жало феминизма. Женщины почувствовали запахи былой кабалы. Многие феминистки увлеклись своей личной жизнью. Им понравилось быть любовницами и подругами. Они создавали свои семьи и с головой уходили в быт. Некоторые активистки стали отходить от автономистских принципов, склоняясь к централизованной организации и бюрократизму. Феминистический потенциал стал идти на убыль. Многие из них стали делать свою карьеру в партии Зелёных. Они навели там свой, женский порядок. Так, после того как в 1980 году партийная Баден-Вёрттенбергская конвенция отклонила требование женщин о легализации аборта, женщины «прокатили» мужчин на местных и земельных внутрипартийных выборах. В 1985 году почти все посты в партии Зелёных занимали женщины. (...)

которой кто-то вступил в интимные отношения. Сам рабочий уже вступил в интимные отношения со всеми шестеренками. И теперь он готовится к интимной связи с заводским планом и директором завода.

ОТ РЕДАКЦИИ

Позиция советского пролетария - пример стихийного классового саботажа со стороны наемного работника. А наемный труд - основа капиталистических отношений! Отсюда можно делать вывод и о характере строя в СССР... В пользу капиталистического характера СССР говорит и то, что приведенный диалог можно услышать сейчас - при «общем» капитализме на любом российском заводе. Флаги над Кремлем меняются, а производственные отношения остаются неизменными...

Вот когда после социальной революции рабочий без принуждения начнет трудиться «на полную», тогда поменяется нечто большее, чем флаг!

ФАЖЕЛ

Это было в конце января 1957 года. В эту отвратительную ночь шел мокрый снег.

Члены третьей бригады Чансуновского сельхозкооператива Самсоковского района города Пхеньяна, собравшись в комнате демократической пропаганды, обсуждали сельскохозяйственные дела того года.

Именно в это время донесся со двора скрип тормозов остановившейся машины. Крестьянин, который сидел ближе к двери, вышел поглядеть, вслух рассуждая, кого, мол, нелегкая занесла в эту пору непогоды!

Но вдруг неожиданно он увидел, что из машины вышел уважаемый и любимый вождь товарищ Ким Ир Сен.

- Дорогой вождь! - взволнованные крестьяне высыпали во двор.

Полководец Ким Ир Сен поздоровался с ними, затем спросил, подумали ли они о мерах по превращению суходольных полей в заливные, и вместе с ними направился в комнату.

Всего три дня тому назад он уже приезжал сюда по заснеженной дороге. Тогда он и поделился с крестьянами мыслью о превращении суходольных земель в заливные.

А в этот день он снова прибыл сюда, чтобы окончательно решить этот вопрос.

Бригадир доложил ему о результатах обсуждения и выразил сомнение, что из-за отсутствия источника воды они не сумеют обратить поля в заливные.

кто любит Родного Вождя?

Полководец, улыбаясь, начал: - Где ущелье - там вода, а здесь почему бы ей не быть.

И он предложил вновь подумать над этим вопросом.

- Дорогой вождь, - поднялся один старик, - наша местность каменистая да безводная, поэтому с давних времен из поколения в поколение у нас даже не мечтали о поливном рисоводстве. Правда, в ущелье Чачжак бьет маленький родник, но ведь этого слишком мало для поливного рисоводства в нашей безводной местности.

- Бьет родник?! - быстро переспросил вождь.

Раз бьет родник, значит, здесь есть и другие источники воды! В словах старика он увидел ключ к решению вопроса. Он очень обрадовался и сразу поднялся, предлагая тут же отправиться к источнику, хотя на дворе и была глубокая ночь.

- Так, пойдемте, товарищи, и посмотрим место для водохранилища, - сказал он.

После его слов крестьяне с недоумением переглядывались. В темную ночь да под мокрым снегом! Крестьяне не решились вести туда вождя в ночь по скользкой горной дороге! Но он уже выходил во двор.

ИПОНЕ СЕРЬЕЗНО

ОТЧУЖДЕННЫЙ ТРУД ПРОЛЕТАРИЯ

На советский завод приезжает американская делегация. Идут по цеху и видят: возле станка разговаривают рабочий и мастер. Просят переводчицу пересказать разговор. Та краснеет и переревит:

- Мастер говорит рабочему: «Кто-то вступил в интимные отношения с твоей матерью. Ты, гулящая женщина, даже эту шестеренку не можешь правильно сделать, гулящая женщина. Директор, гулящая женщина, вступит с тобой в интимные отношения, если из-за тебя, пассивного гомосексуалиста, заводской план упадет наполовину».

В ответ рабочий напомнил мастеру, что тот должен навестить свою мать, с которой у него интимные отношения. И теперь он готовится к интимной связи с заводским планом и директором завода.

КУЛЬТПРОСВЕТ

ОТ СЕРЖА К СЕРЖУ

Вышли в свет две книги французского социалиста русского происхождения, участника русской революции Виктора Сержа.

Первая книга - «Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма». Это сборник статей о революции и диктатуре, о специфике марксизма индустриальной эпохи, о подлинном социализме - каким его видел автор. Серж критикует как сталинский тоталитаризм, так и ленинский период большевизма. ЧК, расстрелы, зажимание рта не только «контре», но и другим фракциям революции - все это, по мнению автора, стало мостом из ленинизма в сталинизм. Он убежден, что диктаторство было уделом всех российских революций и оно ро в конце XIX - начала XX веков. «В действительности с 1870-1880 гг. все российские революционные партии, как легальные, так и нелегальные, являлись авторитарными, жестко централизованными и дисциплинированными; во всех имелись «профессиональные революционеры», то есть живущие лишь ради борьбы; все можно при случае обвинить в определенной аморальности, хотя за каждой из них следует признать пламенный и бескорыстный идеализм. Почти все они отличались явным идеологическим менталитетом, пролетарским либо непролетарским» - пишет Серж в статье «Тридцать лет после русской революции».

При анализе перегибов революционного террора, автор обращается в основном к морали большевиков. В ее несовершенстве он видит причину «перереживания революции». Конфликт производительных сил и производственных отношений - главная причина революционных потрясений - остается на втором плане. По крайней мере, в этой книге.

Большевистский террор - от имени пролетариата и начавшийся в первой половине XX века перелив рабочей силы в нематериальную сферу производства приводят бывшего революционера к явно неревolutionary выводам. «Я не считаю, что в грядущей борьбе сможет возродиться «диктатура пролетариата». Несомненно, появятся более или менее революционные диктатуры; но я остаюсь при убеждении, что неизменной задачей рабочего движения будет придание им демократического характера в интересах не одного только пролетариата, а всех трудящихся и даже на-

родов» - пишет Серж в уже знакомой нам статье. Тем не менее, материалы книги интересны как критика большевизма с лево-гуманистических позиций. Такая критика и сегодня для многих левых в России еще в новинку... Издание дополнено материалами международной конференции «Виктор Серж и антитоталитарный социализм».

Вторая книга - роман «Завоеванный город» во многом повторяет первую. Перед нами Петроград 1919 года. Замерзающий город обскрвлен голодом, разрухой, криминалом. Уцелевшие заводы - оплот большевизма - парализованы забастовками. На фронте голодные красноармейцы кричат: «Долой гражданскую войну!», переходят на сторону белых. Автор рисует образы большевиков: искренние борцы, наивные мечтатели, фанатики, послушные приказам ЦК, развращенные диктаторской властью карьеристы, подлещи-проходчики. В своей крепости - элитной гостинице «Астория» партийные верхи окружены молчаливой ненавистью обнищавших мешчан, злобой голодающих рабочих. В ответ они вынуждены обещать скорую победу мировой революции и расстреливать: как настоящих врагов, так и попавших под «горячую руку».

Основная проблема романа - диктатура. Где граница, за которой дракон революционного террора начинает пожирать своих хозяев, сам становится хозяином положения? Как далеко может зайти революция в подавлении врагов, чтобы при этом остаться революцией? Эти вопросы прошли через все творчество Сержа и привели его к идеям «демократического социализма». Такой итог можно справедливо раскритиковать. Но Серж обращает наше внимание на главную задачу социальной революции: из «винтика» капиталистического индустриального конвейера человек должен превратиться в главную ценность нового общества. Дальше всего от этого стоял именно советский государственный «социализм». Против такого «социализма» и выступал Виктор Серж.

С распространителями этих и других книг В. Сержа можно связаться по адресам: 109443, Москва а/я 7 и E-mail: praxis2001@mail.ru

ПИШИТЕ ПИСЬМА «НИЧЕГО НОВОГО»

Ностальгический революционный романтизм конца 19-го и начала 20-го века дышит со всех страниц «Левого поворота». Эта газета достаточно последовательна в своих революционных устремлениях в пределах, считающихся ныне вполне марксистскими. Здесь и «радость революции», явно необходимая участнику бунта масс, и слова о нужде в революции для того, чтобы пролетарий смог «стряхнуть с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества». Есть в газете интереснейший материал о событиях дня и прошлом. Проявляется и попытка обсуждения проблем нынешних. Можно видеть, например, жалобы авторов на непостоянство активистов рабочего движения. Один товарищ предрекает социализм лишь после еще одной технической революции, считая, что нынешний уровень развития производительных сил для социализма недостаточен. Снова повторяются слова о том, что рабочий класс к революционной борьбе не готов, не хочет проявлять жертвенность в революционной борьбе и просто неосознателен.

Впрочем, все это мы можем прочитать и в газете прочих «компартий» вроде КПРФ, РКРП и т. п., хотя есть и некоторые отличия между ними. А читателю остается лишь вздохнуть и сказать: «Ничего нового...»

А. Губайдуллин, Татарстан

ОТ РЕДАКЦИИ
Лишь величайшая скромность удерживает нас от перечисления всего нового, важного, полезного что узнал читатель со страниц ЛП. © Причем, мы не считаем, что право на жизнь имеет только наша точка зрения. Редакция стремится не столько сама вещать «истину», сколько показать существующий сегодня спектр левых мнений. Потому на страницах газеты можно видеть мысли, не входящие в идейный багаж МРП. Не будет здесь только знака равенства между борьбой за всемирный коммунизм и «революционным романтизмом». Считать коммунизм выдумкой утопистов - старая песня. Ничего нового!

